

18+

Никита Покровский

*Записки
отчаяния*

Никита Покровский

Записки отчаяния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70757506

ISBN 9785006400115

Аннотация

Молодой священник переживает экзистенциальный кризис, всё рушится и теряет смысл, нет более никакой надежды, воображение и реальность сливаются в единую кашу из отчаяния, агонии и мрака, так, что кажется сама реальность плавится под натиском тяжёлых мыслей. Дом его разрушен, новое место под натиском войны. Неприкаянная смесь печали и надежды, обнажённого страдания и выхода к новой жизни. Насколько сильна вера человека, и способна ли она изменить то, что он называет реальностью...

Записки отчаяния

Никита Покровский

© Никита Покровский, 2024

ISBN 978-5-0064-0011-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Ночь. Неоновые фонари отсвечивались элегантным розовым цветом от блестящих, мокрых, асфальтовых дорог...

Возле бара стоял старый толстый негр. Он кряхтел, опираясь на стену рукой, второй нервно ерзал в области паха. Пожалуй, он выпил много пива. Стоял он долго, так, что пена начала сползать по дороге вдоль его старых, но таких же блестящих чёрных туфель...

Нигер пукнул, потрясывая тазом и закрывая неудобные серые штаны, которые обычно бывают у блюзменов, бряцая ремнём он закончил своё дело выправляя штаны из полупопий.

Довольно посвистывая он шагнул в сторону бара, было видно, что он здесь совсем «как родной».

– Эрни! Друг мой! Чуть не похлопывая по плечу, он поприветствовал меня. Я же таких объятий не любил. В этот же момент, как по удивительной вселенской синхронизации вы-

шел бармен.

– Что будешь Эрн?

– Как обычно.

– Эмм?

– Апельсиновый сок. Четыре кусочка льда. Лимон. Мята.

Бармен кивнул, и оба они улыбнулись. Я был мрачен и задумчив. Нигер медленно побрёл в конец зала, и уселся настраивать гитару... Бармен справился быстро... Странно... Поймав наконец стакан, я почувствовал эти приятные грани слегка запотевшего, холодного стекла. И глотая сок ощутил явный запах мяты, и лёгкий, совсем нежный вкус лимона...

– Превосходно. Сказал я покрутив льдом в стакане и левой рукой вытаскивая пару смятых купюр.

Джо улыбнулся. Всё было как в тумане. Этот бармен, приятный парень, типичная одежда – рубашка, иногда закатанные рукава, типичный щегольской образ подчёркивался его зачёсанной причёской, и лёгкой щетиной. Он был моим другом, когда я тоже был барменом, но отошёл от дел...

По правде говоря, я уже не понимаю, как живёт этот парень, так как я уже долгое время не видел других посетителей кроме, пожалуй, одного себя.

– Хорошо сделал Джо... Ммм... На что ты живёшь? Этот бар вообще работает? Этот нигер ещё не выгоняет тебя?

Нигер закашлялся как старый курильщик, хотя благодаря моим каждодневным пропагандам, ещё когда я был барменом, он бросил курить. Как же я был этому рад... Хотя,

был ли я вообще рад?

Он владелец этого обветшавшего бара, «бара в ретро стиле» как он говорил... Хах, как будто у него была возможность быть в «другом стиле». Впрочем, здесь и вправду было приятно. Нигер же был на пенсии, подслеповат, но достаточно добрым, хотя и не очень «удобным» человеком. Потому он часто сидел в своём углу, и настроив гитару начинал играть блюз, слегка отстукивая уже давно стёртый лак на полу. Это было самым превосходным в его поведении. Зная, что он уже старик на пенсии, и чтобы не докучать ни детям ни нам, он играл свой блюз, тихо в углу бара. Это конечно задавало тон, атмосферу, и мне порой здесь правда нравилось. Я не видел других более атмосферных и столь тёплых баров, с таким настроением. Дела тем не менее не шли...

– Хах. Сюзи работает. Я копаюсь дома иногда... Нам хватает... да и, ты знаешь её. Она немного эмоциональная. А ты как Эрн? Может хочешь вернуться? Чего засиделся?

Здесь надо сказать что у такого бравого, спокойного и думаю привлекательного для других женщин парня была прямо противоположная девушка. Да чего там! Он жил с исчадием ада! Никто, казалось в этом мире не способен выдерживать эту женщину. И даже то, что она была вполне деятельной не делало её привлекательной. Готовила она быстро, но пища была совсем не вкусной. Была она симпатична, но характер гадючий, как это я обычно выражался.

Вспомнив что Джо стоит здесь, и протирает, как и пола-

гается всякому бармену стаканы ждёт моего ответа. Я не появлялся здесь целых... Эмм ну в общем долго месяцев... или лет...

– Как так выходит... Сказал я, разглядывая сок в стакане и болтая уже подтаявшим льдом. – Один и тот же сок, от тебя, и еда твоей жены... это разные вещи...

Эрни засмеялся. Где-то в углу нигер начал постукивать по коврику и потягивать струны на гитаре. Лёгкий, непринуждённый блюз с джазовым оттенком отлично резонировал в почти пустом баре.

– Не знаю. Может этому нужно учиться? Ну с опытом получится?

– Да нет я имею ввиду... Разве у тебя из рук всё не валится если ты не в духе? Ну имею ввиду... у меня даже мысли путаются. Я вздохнул, Джо словно начал слушать меня внимательнее. – Когда я не в настроении то не приготавливаю себе ничего хорошего... да даже просто сок как будто не того вкуса, и вообще...

– Хех... Я вроде понял. Магия, ну да, есть такое... ну ты вообще не парься. Так как дела то? Джо внимательно посмотрел и оставляя открытым вопрос начал расставлять стаканы на полку.

– Я не знаю с чего начать. Джо, здесь нет работы, здесь нет вариантов и идей. Думаю, зачем жить... Я просрал все бабки. Иии... столько мыслей, я плохо спал... чего-то ждал... хочу реализации. Нормализации, отсутствия деградации, стагна-

ции... чего-то... нового? Закончил я, трогая довольно внушительный болтающийся серебряный крест на шее.

– Да ну?.. В рифму! Джо улыбнулся. И рубаха парень посоветовал вновь не парится... – Ты эти выбрасывай мысли... Может девчонку тебе? Хорош играть! Ты чего это, депрессия типа? Это всё выдумки. Такое надо чем-то выровнять типо... Эмм так что? Давай подкину чё-нить?

– Да ну. И что дальше? Добавить проблем ещё кому-то...

– Ну может она тебе вправит мозги? Полюбишь, желание жить появится? ...Вот как мы с женой... И вместе ну... типо проще. Хотя конечно иногда она кони кидает, хах, иногда я может...

Я чуть не опрокинул стакан от приступившей вибрации, подобной смеху, но из-за внутренней желчи подобной скорее эпилепсии, я скорее просто «потрясся», на его выпады.

Жена его визжала обычно за двоих, а Джо, вообще был, наверное, самым спокойным парнем, поэтому так и представил картину как жена кричит и Джо вставляет слово раз в час и говорит, что он тоже якобы возражает. Впрочем, ладно. Сейчас я смотрел на почти пустой стакан с растаявшим льдом в котором оставался лишь один глоток, и понимал, что друзья и бар мой сегодня мне чужой.

– Спасибо друг. Прости меня, за всё. Спасибо... Вновь вторил я, допивая последний водяной сок. И начал вставать.

Джо, добрый парень поднял глаза, посмотрел на меня и сказал

– Ты чего задумал? Бро? Ищи работку, и там сям... если надо найдём кого-нибудь, ну ты понимаешь? Я тут, не теряйся, ок?

– Спасибо брат, я понял. Прощай.

В это время нигер наигрывал довольно грустную блюзовую партию на высоких ре минорных тонах, и выглядывал из-под своей шляпы за тем как я ухожу.

Я вышел из бара и пафосно, медленно поднял голову, вдыхая при этом свежий воздух последождевых улиц. Они меня не поняли. Я готовь прыгать с крыши... Или не готов?

Я представил себя на высотке и что-то отвратило меня. Нечто, что казалось очевидным, но не видным, явным, но забытым. Избитым, банальным, примитивным, пресным, самобытным, столь доступным, но неуловимым... И прокручивая идеи такие странные, деспото-философичные, цепляясь за такие ненужные мысли, как будто я пережёвывал то, что уже пережевал, пресную, невкусную кашу, которой я пытаюсь наслаждаться, ибо если прекращу, то совершенная тягость ляжет на сердце. Не люблю этого чувства, когда сердце словно окутывает темная, холодная рука. Брррр!

Пока я драматически, в красках описывал себе своё состояние, в том же тумане, как и в баре, не различая словно где явь, а где сон я обнаружил себя на крыше высотки, если так можно было назвать захудалые домишки нашего скромного городка.

Я снова пафосно вдохнул воздух опрокинув голову, и по-

чувствовал эту приятную прохладу, проходящую через ноздри вглубь меня. Кажется, что сознание проясняется в такие минуты. Я начал наблюдать за дыханием. Медленный вдох, медленный выдох, естественная задержка. Раньше помогло. Сейчас... Я словно погрузился в ещё большее безмолвие, но не совсем спокойное, а гнетущее, из тёмных, тягчайших тонов.

– РРррррра! Резко дёрнув руками вниз, я почувствовал холодную злость. Которая отозвалась выражением «Ещё ли окаменено у вас сердце?»... Да, окаменено... Да окаменено! Бог мой! Где ты. Я поднял глаза и смотрел на это туманное небо, на котором казалось не было видно даже звёзд. Это ли смог заводов, это ли туман моих странных, запутанных состояний? Нет. Это просто отвратное место, где даже небо не сияет звёздами... И я вспомнил небо... О, я вспомнил звёзды! Я вспомнил красоту, я вспомнил синеющее, нет, тёмно-синее, летнее безоблачное небо, полное ярких звёзд, ярких звёзд! После этих слов я почувствовал, как глаза хотят излить слёзы... Я закатил их, и продолжил смотреть вверх, пытаясь сдерживать их... Большой наперсный крест священнослужителя болтался на шее, и приступ дрожи дал понять, что я недоволен. Оххх, и я продолжил...

– Бог! Ты слышишь!? Бог мой?! Ты меня слышишь?! Где ты... вы же! Ангелы, святые, вы же... всё говорите... весь мир... Ооо! Мы любим! Бог любит! Любит!? Любит!! Ооо, Бог любит! Какой ты любящий!! Я брожу как собака, без-

домный ребёнок, как побитая шл... Ааатть!! Но все любят! И все здесь таковы! Я вижу их жизнь! Я вижу эту ненависть и серость, здесь все ненавидят, и если там, так же любят как тут, охх вы, добрые Боги, ох... рррааа!...

Яростная желч сопровождалась махами руками, перекошенной физиономией и проступающими слезами. Голос был шипящим, и наконец доходя до тотального отчаяния, были произнесены громогласные речи в том же духе.

– Я вас всех ненавижу! Я вас всех ненавижу. Добрые! Какие все дообрыые! Оххх!

И скрючившись от боли и ругательств я начал плакать. Капли были крупными, как летний дождь после длительной засухи. Это называется отчаяние. Вера была разбита. И глядя вдаль, и на сонный город, я почувствовал пробегающую дрожь. Это было не в первый раз. Кажется, произошёл катарсис, и совсем выжатый, с понурой головой я отправился домой.

Видя в голове лишь образы, как я, скрючиваюсь лёжа на полу, бредя в тумане, словно забываясь в пьянящих, дурных идеях, был сбит ими же, и обнаружил себя именно лежащим и плачущим от неясной боли. Отмываясь в ванной я посматривал на совсем уж тупые ножницы и странно улыбнувшись взял их приставляя к венам...

Я слышал, как это делается. Так же я знал, что куда надёжнее прыгнуть, откуда я знал всё это? Почему. Почему так. Я оставил ножницы. Мне всё это было знакомо. Сколько лет.

Когда ты смеёшься все смеются с тобой, но когда плачешь...

Ангел! Бог мой... Бог мой!

– Простите меня. Простите. У меня не получилось. Я не такой. Похоже ты ошибся Бог... Прости... Почему ты молчишь.

...И вот ночь. И тьма. Я лежу рядом с постелью на полу и плачу. Ноги мои искусаны клопами. Эта кровать отвратительна. Я плачу на полу, он совершенно твёрдый. Мне плохо. В такие моменты кажется, что ты совершенно один. Но почему же ты не рвёшь с этой жизнью? Что-то... Что-то держит, это ли слабость порвать со всем сразу? Нет, это недоверие, недоверие к тому как же будет «там», если здесь так, сущий ад, то какое чистилище будет там?! Я не доверял... Да я не доверял Богу, и может это было как раз тем, что меня спасало в этот момент... И хаотичный ум, как о старой просроченной таблетке, вспомнил нечто давнее, забытое, снегами забвений укрытое, но премилое, хотя и с тем же, словно погиблое, как утомлённый крик сиплое, но из памяти не стёртое, и в мыслях упёртое... осталось:

...Семинария и храм с её прекрасными цветными стёклышками, как мы маленькими детьми любовались, смотря на них, как мы видели в них нечто высокое, небесное, возвышенное, такое лёгкое, прекрасное, мечтательное, так что забывали петь в этом прекрасном «доме Бога», как его называли мы. Это было так мягко, так мило, пожалуй, как и всякое тёплое воспоминание из детства. Как же было легко, и как

наивно всякий из нас тогда слушал истории от пастыря, которого я сейчас не назову даже другом... Каждый из нас был разбит, и почти каждый растлён. Каждый был побит жизнью и её обстоятельствами, и самым сложным в такой ситуации было желание вернуться и окунуться снова в тёплые воспоминания, снова помечтать и снова увидеть нечто красивое. Но главной проблемой было только мышление, именно реакция на то, как было разбито нечто тёплое, оставалась таким болезненным послевкусием для дальнейших попыток вернуться к доброму состоянию и лёгкому сердцу. Так вспоминая хорошее, ты тотчас вспоминаешь как это самое, хорошее словно разбивается вдребезги, но так ли всё было?!

После же, мы все стояли и учили прихожан жизни, сами оставаясь теми же побитыми детьми, только пытаюсь найти отраду в «ветхой букве». Так продолжалось несколько лет, все разошлись, и один я остался в управлении церковью, но видя совершенную несостоятельность, которую впрочем каменные сердца нисколько не усматривали, я найдя, тем не менее искренность, которой мне всегда хватало, ушёл от служения... то было фатальной ошибкой, ибо отказываясь от тягости малой я упал в совершенную тягчайшую бездну, и хотя неизвестно к чему всё шло, всё равно, пожалуй даже в самом тёмном сердце, пока оно бьётся – есть нечто такое, ради чего Он заставляет его биться и пульсировать, но больше чем кровь или нерв, скорее малая надежда... на нечто такое, что встретишь кого-то, увидишь нечто... Так, сжигая

свои «записки сумасшедшего» я видел в них неопалимую купину, вставая утром, изредка видя рассвет – я видел там второе пришествие, которое часто разбивалось о серую, обыденную смесь отчаяния и городского смога...

– Я понял... склонился я, как будто раненый в сердце... всякая претензия и всякий вопрос всегда к Богу... Не нравится ли мне моя работа, правительство, жильё, друзья, родные, отношения, лишения, утешения, свершение, забвение... послушаем братия пение... ха! Всё то суть претензия к Нему. Раньше я ненавидел города, и странных людей, которые обыденно всего лишь отражают моё внутреннее состояние, сейчас же я понял и обнажил корень, словно нерв, который был задеваем каждой мыслью о моей жизни в ней, и о Нём. Я постоянно говорил с Ним, но говорил желчно, яро, дико, обиженно. И увидел то же в людях, хотя им в отличие от меня просто не доставало искренности, и они прикрывались, что просто не довольны обстоятельствами, а не Тем, кто создал всё это... Но как было на самом деле?!

Я словно ёрзал на этом обнажённом нерве каждый день, словно кто-то, с кем ты никак не выяснишь отношения не даёт тебе даже спокойно уснуть. Словно не было выхода и возможности простить Его. Именно! Кощунство, но сколько людей ненавидят Его, и более стыдно и мерзко вспоминать пустое лобызание перед Ним, хотя в сердце совершенная пустота. Это было подобие отношениям нестабильных молодых, я постоянно просил простить меня, хотя сам, по су-

ти осуждал Его! И так было со многими из нас... Претензионный человек, извергающий пустые слова, и незнающий ни Его, ни себя. Но тогда этого было недостаточно, и как это бывает часто, я вернулся на старую дорогу пустого самобичевания...

Утро. Я совсем один. Где же Бог?! Так одиноко... Джо, что ты несёшь, разве кто-то меня спасёт если не спасает даже Бог!? Мысли пронеслись дерзко, и я начал расхаживать в возбуждённом, слегка гневном состоянии. Пожалуй, я резанул бы вены... да, вот только... разве тебя кто-то там ждёт? Я один, один, совсем. Что же делать. К кому пойти, я разбит, раздавлен. Не осталось никого... Забавно, как же это забавно, недоверие спасло меня, я не доверял Богу тогда, не верил в поддержку, оттого страх смерти усилился, и сейчас, пожалуй, я бы сказал, что это был хоть какой-то проблеск разума! Довольно! Довольно. Я делал это тысячу раз. И, пожалуй, это было самым рациональным решением – попытаться понять эту игру. Итак... Уйти из жизни я не могу – там меня никто не ждёт. Довольно.

...На столе лежали корки хлеба, слегка заплесневевшего, твёрдого, но выходить на улицу желания не было, и я, отрезая плесень кусал затвердевшие ломти. Ммм, как же это было жалко. И целый день прошёл как в тумане... Деградация и опустошение. Самое страшное в таких состояниях, что кажется будто ни одно создание в целой Вселенной не стоит за тебя, и, пожалуй, нет никого кто смог бы воодушевить

пропадающую душу...

Пожалуй, мне впервые стало так одиноко, и покопавшись в вариантах спасения, рассматривая свой дневник я устал от давления стен и вышел на улицу, вновь готовящуюся к дождю. Это задавало атмосферу снова. Иногда моросящий дождь или повышенная влажность не беспокоила меня. Я любил этот дождь.

Зайдя в магазин я как обычно завернул свежесвепеченные, весьма вкусные багеты. И расщедрился купить пряники и сок. Обычно я всегда знал сумму подобных покупок. Я всегда давал целые крупные банкноты, чтобы не считать. Закрывшись дома выставив багеты вертикально, я действовал как по бумажке. У меня всё было на своих местах. Тарелки я мыл сразу, что бы не скапливались, и при всей строгой скрупулёзности расставленных предметов я позволял себе совершенную неопрятность одежды и волос. Мне было легко смотреть на грязные вещи в виде порнографии, но рукопожатие для меня было неприятным. Я часто мыл руки, и не любил грязь. В то же время оставаясь неопрятным внешне. Слышал, что это распространённая двойственность характерна для психопатичных натур. Так я, расставаясь с дневным миром, наблюдал синее небо в окне, и чёрные ветви тянущееся вверх. Было красиво, но грустно. Я сварил макароны на ужин, тяжёлые, надоевшие мне, на хлорированной, невкусной воде и лёг спать.

Так проходили дни, и ночи. Странно, депрессивно и за-

бвенно, я подвергал себя самоосуждению, сознательно или нет. Пожалуй, всё что можно было сказать про это «тёмная ночь души». Хотя теперь я называю это «весёлыми временами».

Я чувствовал нечто тайное, неясное, определённно то, что должно быть что-то, что определяет эту жизнь и ситуации в ней. И в тумане, оставляя этот мир я настолько погрузился в эти размышления, что словно забыл о нём совсем, как будто не было более ни Джо, ни работы, ни нигера, ни его бара! И всё это как сон, после которого ты ещё некоторое время ходишь, как будто ты и правда был там. И в тумане, как малое дитя, разбросавшее свои игрушки на полу я начал разбирать эти идеи и мысли, перелопачивая странные фантазии и мечтания о том, что я хотел бы попробовать. В эти дни я совершенно отошёл от внешнего мира, отчего моё воображение было особенно активным и чётким, так что я мечтал вдоволь, и вполне упивался этим.

Так проходило ещё некоторое время. Я словно жил в своём воображении. Словно какой-то золотой туман захватил меня. Внешний мир стал таким невзрачным. Моё воображение таким ярким. Мечты захватили меня, и я, со всей детской наивностью, уже жил в мире, где у меня есть свой кафе-бар, где я больше не читаю проповеди, где все любят, и живут по чести, где есть прекрасные друзья, город я видел зелёным и цветущим, я буквально жил в этом, засыпая, чувствуя это во всех красках, ощущая это как реальность,

и словно лёгкая женская рука обнимала меня, смеясь и говоря, какое у нас прекрасное заведение...

Утром, отрезая чёрствые куски от хлеба, я на удивление был более спокоен, чем обычно. Хотелось было, забыться в глупости, медийной суеты и жёлтой прессы, но свет отключили совсем, о чём я, конечно, уже не особо беспокоился, но будто бы вырывая меня из своего мира я почувствовал, что мне хочется пройтись, немного, от захудалой квартиры, от странных практик, и затхлости закрытых стен...

Я бродил бесцельно, и просто крутился, прохаживаясь по районам, в конце концов оказавшись перед баром, в который я не хотел идти, ведь Джо мне уже порядком надоел, видя его, я постоянно возвращался к режиму выживания, то и дело размышляя о деньгах и реализации, проблемах, и таком прочем, но бар выглядел странно, и внешний его вид, напоминал скорее масляную картину, которая была похожа на иллюстрацию милого домика из детских сказок... нечто манило войти внутрь... Я уж было приготовил свои шутки на тему романтической смены «имиджа» бара, или то, что нигер наконец отдал кони и всё такое, но был сбит с толку совершенно, и как говорят, увиденное поразило совершенно.

Я вошёл и попал... в сумасшедший дом?! Что? Я увидел палаты и типичное, голубовато-зелёное, нежно-пастельное убранство мед учреждений, на стуле сидела маленькая девочка... не нигера, ни Джо нигде не было, она весело болтала ножками, и светилась как весеннее солнце, крутя в руках

какую-то блестящую штуку... сквозь окна пробился желтеющий солнечный свет, приятный, как последождевое игривое дитя, так же бегающее довольно по лужам, не вникая, ни на прохожих, ни на брызги, отлетающие от маленьких детских туфелек. Солнечный свет игриво упал на моё лицо, словно нежной рукой, приласкала незнакомая девушка из далёких странных грёз. В душе стало светлее, и я остановился как вкопанный. Очевидно. Справа от меня стоял стакан с водой, в котором так же играли солнечные лучи подтверждая чистоту стакана, должно быть, работа Джо... любитель протирать стаканы... Но внутри что-то съёжилось, давая понять, что бара и Джо мне скорее всего никогда более не увидеть, по крайней мере в том состоянии в котором он был прежде, наконец проясняясь и отмечая увиденное, в голову полезли банальные мысли, неужто это всё некий «плот твист», странный поворот, «сон собаки» хаха! Ну, может я банально забыл, что я в какой-то палате с мягкими стенами, и записки мои были самыми настоящими записками сумасшедшего!!? Весело... Я, отпивая воду удивился, отчего я вдруг позволил себе это сделать, учитывая, что место было как будто из совершенно из другой вселенной, и неизвестно что ещё тут за вода... медленно, но громко вода упала в желудок, и я слегка, что называется на взводе подошёл к милейшему созданию, всё ещё болтающему ногами на стульчике...

– Что тут случилось, маленькая девочка? Спросил было я, слегка удивлённый, но отрезвляемый своей попыткой осо-

знавать сдвиги в пространстве...

– Я незнааю! Я тут первый раз, кто ты? Ахахах. Весело, но слегка маниакально залилась девочка, кажется она была слегка напугана, но заинтересована в моём присутствии. Нечто роднило меня с ней, мы были одинаково ошеломлены.

– Эмм, а как ты сюда попала? Это странно.

– Я проснулась тут. И всё! Как тебя звать!?

– ...Эрни. Эрн. А где ты была до этого? Кто ты и как жила, что-то... Раньше всё было не так... здесь...

– Я только проснулась. И ничего не помню. Ммм... кажется ...у меня всё болит, я не знаю, ты мой папа, кто ты? Немного вытирая премилейшим образом глаза спросила девочка.

– Хах... нет, я не... твой папа... я ...Нащупывая серебряный крест в области груди я начал снова оглядываться и понял, что мы в каком-то сне, странной шутке, или я окончательно свихнулся... Я заметил, что вся реальность как будто плыла... и может я провалился в подсознание или как его там... может эта маленькая девочка – я?! Да не... Может это какой-то образ, вот только какой, может это что-то такое... образ мира? Что он такой несмышлёный ребёнок, едва очнувшийся, едва понявший, как ходить, но тут же вынужденный терпеть всю скорбь, и у меня кажется закололо сердце от таких размышлений, и вправду по-отечески стало жалко её, так что как это обычно и бывает от резко сменившегося тона мыслей и эмоций я словно наполнился чем-то

лучшим, чистым, вспоминая как я нёс паству, и воодушевлял, а точнее пытался образумить народ, сам падая в пучины тьмы. Сейчас же словно пройдя войну, я не видел более никаких страхов провалится, словно первый луч, пробивающийся во тьме, нечто в сердце моём зажглось, пока ещё тускло, но, пожалуй, если можно было сказать где у человека начинаются перемены, то достоверно можно сказать – именно в тот момент, когда в сердце загорается, пусть и самая малая, но искра. Итак, я продолжил...

– Я буду тебе отцом, пока мы не найдём твоих родителей. Хорошо?

– Да. Выпучив глаза произнесла милаха.

– Как тебя зовут? Я всё ещё продолжал осматриваться и нашёл наконец внутри совершенную уверенность что ситуация не самая худшая, явно нестандартная, может и паранормальная, но щипая себя и видя всё совершенно реальным я чётко осознал, что мне, а точнее нам придётся совершенно точно как-то выживать здесь, теперь вдвоём.

Пока я размышлял, и она, наверное, также не помня и имени своего, начала смотреть на меня теми же, слегка выпученными глазами, что-то громыхнуло.

На улице послышался грохот и гул, и мы переглянулись снова. Я думал, что просыпаюсь от этого реалистичного, но крайне странного сна. Я подошёл к окнам и не смог заглянуть в них. Всё было окутано золотой дымкой, окна были матово белыми, как при инее, но совсем не холодными, девоч-

ка в это время совсем по-детски закрылась одеялом, и только в этот момент я обратил внимание на совершенную санитарию! Идеально чистые постели... кхм, впрочем, не до них сейчас.

Я было открыл дверь и увидел бегущую толпу солдат, проезжающий танк, дальние взрывы и сильный толчок в дверь, который оттолкнул меня и закрыл её. Война?! Я стоял, думая открывать ли, стоять ли? То был какой-то храбрый солдат, или ветер? Какой ещё ветер?! Я оглянулся и пощупал ручку, всё окутывал золотой туман, поверх которого клубился словно серый иней дым. Ручку заклинило, хотя она была примитивной, прямой и без защёлок. Намертво. Я не удивился. Со всем. Внутри я давно себе внушил что это сон, или я просто «того», так что я отошёл от двери и слегка натянуто улыбувшись повернулся к девочке и спросил, предлагая стакан:

– Чай, кофе?

– Она тоже сделала полуамериканскую улыбку, показывая зубки, словно улыбаясь, но не улыбаясь. Кажется, ей было не страшно, но странно. Как и мне.

– Хорошо, милая. Я так понял мы непонятно где... значит...

– Кхахаха! Понял, что не понял где.

Я было взглянул на неё, размышляя над противоречивостью ситуации, и осматриваясь, подошёл к стенам, осматривая их, в углу под двумя костылями я обнаружил... катану?! Забавно. Странно. Я начинаю привыкать. Поднимая её

и взмахнув направляя её к выходу, я подумал если это сон, то почему бы ему не поддастся моим желаниям? И я было произнёс заклинание, но что-то на этот странный сон это никак не повлияло.

Громыхания усилились. Она снова посмотрела на меня, и я почувствовал, что будет плохо...

Я начал быстро осматриваться и понял, что мы можем поставить кровать диагонально ставя на другую, и накинув на себя бело-голубую простынь я начал укутывать её.

Началось землетрясение, и она, кажется понимая, что я хочу, ожидающе покорила моим движениям. Я снял её с кровати и делая словно шалаш одной из них, поставил её на другую. Громыхания приближались. Я быстро скинул одежду вниз под кровати и укрывая, указал ей место. Ей стало страшно, у меня заколотилось сердце. Забавно, ты же хотел уйти из жизни, в чём проблема? Тем не менее, гул усиливался, и я кидал вокруг и под кровати всё что только можно, словно царские покои стала выглядеть наша «перина», и я почувствовал, что ничего более гудящего и трясущегося я не ощущал в жизни, может я пробуждаюсь от странного сна? Или тело дрожит от какой-нибудь передозировки в реальности? Я не знал этого. Одна мысль выйти навстречу бомбардировке, была в голове, будто бы это могло мне помочь проснуться, но другая, тот же час заставила меня так же укрыться в интерпретируемом шалаше из кроватей, одной диагонально лежащей на другой.

Гул. Гул. Гул. Я обнимаю это милое создание и вспоминаю, как пытался помогать заблудшим и постоянно пребывающем в страхе людям. Как пытался найти слова. Как просил помощи и прозорливости, найти в себе силы, найти воодушевление, подобрать лучшее слово. И всё что удавалось, это только постоянно вторить, что всё наладится. И ничто не забыто у Бога. Тут же в сердце отозвалась старая травма, которая заставила усомниться, а разве я не был забыт, а разве я не был оставлен, как этот чёрный город, как это странное создание у меня на руках. Но теперь я снова почувствовал жизнь, бьющуюся рядом. И я так захотел ей лучшей жизни, нечто словно из странных романов и рыцарских сагах затрепетало во мне, и я захотел защитить её! Я захотел защитить её хоть бы и от самого Бога! От всего, что здесь происходило, и я хотел дать ей большее, и слов было недостаточно, чувство словно весь мир нацелен против нас...

Грохот, вибрации, всё дрожит, но мы, от всей странности и дикости ситуации видимо уже вошли в ошарашенное состояние настолько, что просто сидели обнявшись. Мне стало тепло, и я почувствовал... радость? Хмм, да, война приносит радость, разве нет? Зачем же ещё нам воевать? Ведь во мне пробудились какие-то тёплые чувства, может чувства этого громкого слова – любовь?

– Дорогая, чего ты хочешь? Вырвалось у меня странная фраза, надеясь таким образом отвлечь девочку от эха войны.

– Не знаю, а ты чего хочешь. Ответила она моменталь-

но спокойно, как крольчонок с выпученными глазами, по-детски, но достаточно уверенно словно это спросила не она, а само пространство...

Действительно, чего же ТЫ хочешь? Эрни? Чего ты хочешь?! Ты недоволен, и за последние времена всё что делал и всё о чём были твои речения – суть уныние, отчаяние, отчуждение и недовольство. Тотальное осуждение, всего и вся...

– Я хочу... апельсиновый сок. С мятой. Лимоном, и немного льда... немного льда... ммм... Знаешь если со мной что-то случится не переживай, оставь меня... просто уходи и ищи прибежище... не доверяйся сразу людям, действуй... скрытно, если что отыщешь надёжных взрослых, ну... как бы... таких которые тебе помогут и...

– А почему?

– Что? Ну, главное, чтобы ты выжила, тело то значение не имеет, так что меня оставишь, ну если... обвалится что-то или типа того...

– Нет, почему не доверять? Ты же хороший! Сказала она, посмотрев на меня синими небесными глазами.

– Я... прямо засмутился, хах... разве я... это неважно... я имею ввиду что в этой войне или вакханалии, или что это, я вообще не уверен, в какой мы реальности, я не уверен насчёт людей, ты понимаешь? Они же воюют, может не заметят тебя, понимаешь, а может у них плохие намерения, ну...

Не говорить же ей, что вытворяют эти так называемые

взрослые люди на почве сексуального, психического или материального голода. Не рассказывать же этому ангельскому созданию как живёт этот город. Как сообщить ей о важности той чистоты и великолепии, которая заключена в её внутренней, не разбитой невинности и детской радости, солнечной, и возвышенной, такой подчас желанной для стариков. Я даже посмотрел на себя, а не упал я настолько чтобы сделать нечто дурное с ней, видя такую открытость я чуть не заплакал, я чуть не зарыдал, зная тех, кто смел это, Боже! Я задрожал от ненависти. Скорее пулю в лоб себе пусти, чертяка, чем своими грязными глазами смотреть в это бескрайнее небо в её глазах! Почему Боже? Почему? Нет, я схватился за болтающийся крест на шее и со странным отвращением словно сражаясь с Богом сказал себе, а пусть хоть бы и с ним, на раздробленных ногах, руках или порванных жилах, без них ли, без рук ли или ног, рви зубами врага, плевать, или мотать головой, я должен удержать эту последнюю чистую душу такой же, какой она мне явилась. Сейчас, сжимая крест, я принял самую важную паству, и она спросила меня что это.

– В руке? Крест. Ты разве не знаешь? Это... символ веры, типо... хаха, теперь это для меня только старые счёты, когда наши отношения решаться я либо выброшу его, либо...

– С кем отношения? С папой?

– Да... с... папой, откуда ты знаешь?

– Ммм... ты спросил меня о родителях, и сказал, что будешь папой, а кто будет моей мамой?

– Хаа... ну я имел ввиду скорее твоим отцом, проводником к настоящим родителям, а пока я буду тебе и папой, и мамой, вообще это просто старая привычка, я был служителем при церкви, пастырем, так что... да, пожалуй, можем это выбросить, и, я буду тебе другом до времени... или навсегда, как выйдет, маленькая девочка!

– Нет, будь мне и папой, и мамой... и другом! И милейшее создание снова заставило меня ощутить остановку времени, словно гул и шум и война более не имело никакого значения, и здесь, мы укутанные одеялами были словно бы в самом надёжном месте, и ничто на свете не могло нас задеть... – А кто такой пластырь?!

– Ахаха. Пластырь! Хаха. Я чуть о кровать не ударился. Пластырь. Пастырь, типо пасёт... хаха, да забудь... я едва не начал впадать в чёрствость былых дней, но солнечное создание снова вырвало меня из воспоминаний...

– Я хочу апельсин! Это из – за тебя! Она ткнула пальчиком мне в щёку, премило расставляя их немного в стороны. Ты говорил про сок!

– ...Ты видишь здесь пальмы, песок или, тропические деревья? Начал было я, и почему-то в голове пронеслись мысли «А почему бы скажем на столе или на тумбочке не может быть апельсина?». Это странно, но напомнило анекдот про вопрос зачем мужчина рвёт бумагу и выбрасывает, тот ответил, что отпугивает слонов. – Но тут же нет слонов? – прекрасное средство не правда ли?

Подобные каламбуры проносились в моей голове, и я снова вспомнил что мы вообще-то в сумасшедшем доме! Ну или просто странной палате, но вся идиотичность ситуации заставляла меня так думать.

– Хорошо, ты запомнила, чему я тебя... ну, в смысле правила безопасности? Выбирайся только когда гул исчезнет. А я поищу апельсин.

Она кивнула, и я выполз из нашего великолепного «особняк». Я немного боялся, хотя и привык к внешнему гулу. Я почти сразу нашёл апельсин на столике, словно видя его раньше, но был ли он? Может она ведьма!? Я еле обхватил крупный как огромное яблоко, всем своим видом кричащий «я сочный оранжевый вкусный апельсин», и снова ползулез под кровать. Кажется, внутри было чувство что нас никто не побеспокоит и скоро всё пройдёт. Она энергично повернулась ко мне, подгибая по-детски под себя ноги. Наш пикник был скромным, но её белоснежный воротник, или что это было, платье, простыни и мои руки были совершенно липкими и оранжевыми от вкуснейшего спелого фрукта. Она была по-детски довольна, немного что у нас называют «замурзакаться» – слегка запачкавшись.

На мои ноги, высунутые за кровать, начала сыпаться пыль и штукатурка. Гул был не сильным, но вибрации заставляли потолок поддастся закону притяжения. Я быстро их подсунул и немного поправил своё мнение относительно ранее сказанного, всё-таки не хотелось бы сражаться, а лучше ска-

зять, если и сражаться, то хотя бы целым. «Прости господи» пронеслось в голове и тут же, как обычно выражаются – тараканы... или, наверное, последний бегущий таракан, забавной мыслью пронёсся в виде «нам жопа!». Я усмехнулся, привычной циничной улыбкой и немного опечалился, тут же размышляя, что по крайней мере, ей не придётся видеть зло этого мира, но слегка устранился того, как бы нам не остаться «полуживыми», что очень страшно. Так что в голове быстро пронеслись мысли, а как лучше, укутать ребёнка, или сидеть так же, чтобы в случае чёрного исхода мы погибли сразу, без боли. «Без шума и пыли!» пронеслось в голове шутовская фраза, и вслед за ней на усиливающиеся взрывы и гул начался сыпаться весь потолок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.